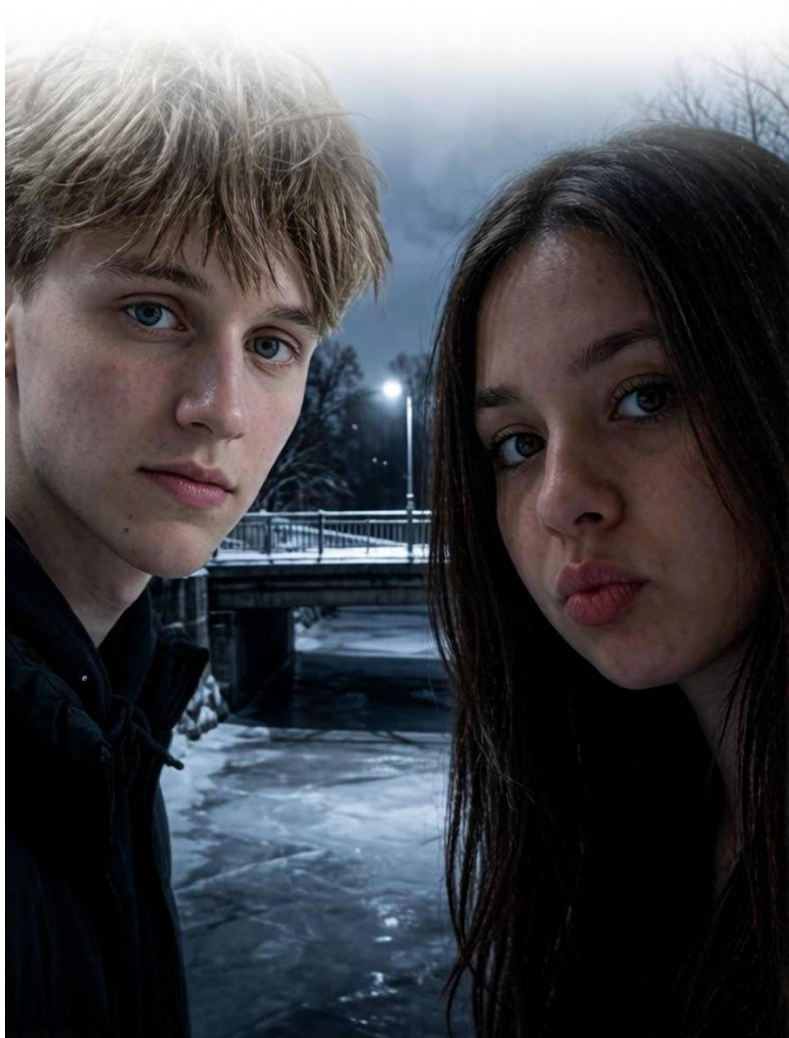

ТЫ – МОЁ СПАСЕНИЕ

Милла Алексеева

Ты- мое спасение

<https://litres.ru/74436014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ей 14. Ему 17. Между ними — три класса и целая пропасть непонимания. Семён Ерофеев случайно спас семиклассницу Леру от самой себя, даже не зная об этом. Но она помнит этот день, как вчерашний. Когда прошлое снова тянет её на дно, случайности заканчиваются. Второго шанса может не быть ни у него, ни у неё.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	63
Глава 7	76

Милла Алексеева

Ты- мое спасение

Пролог

Это любовь

Двадцать девятого декабря я сидела за кулисами актового зала и переключала песни на стареньком ноутбуке. Экран светился в полумраке, кулер негромко гудел, а из колонок доносились басы, от которых слегка вибрировал стол. В самом зале мигали разноцветные огни, девятиклассники танцевали, кричали друг другу что-то через музыку и время от времени просили поставить очередную песню.

Мы с ребятами из школьного музыкального театра проводили для них новогоднюю «Песню года», а после этого устроили небольшую дискотеку, но веселиться особо не получалось: нужно было следить за плейлистом, аппаратурой и порядком.

Впрочем, мне нравилось сидеть за кулисами. Здесь было спокойнее. Можно было спрятаться за экраном ноутбука и наблюдать за праздником со стороны, словно я не участвовала в нем, а смотрела фильм.

Ко мне подошла одна из девочек из театра. Она наклонилась к ноутбуку и принялась искать что-то среди загружен-

ных треков.

— Давай следующую песню – медляк,- предложила она.- Вон, я как раз скачала «Это любовь», Скриптонит.

Я нашла нужный файл и навела курсор на кнопку воспроизведения. До конца текущей песни оставалось чуть больше минуты.

Совсем рядом, за моей спиной, разговаривали двое парней из театра. Одним из них был Семен Ерофеев. Высокий одиннадцатиклассник со спортивной фигурой, короткими светлыми волосами и голубыми глазами. Он был из тех людей, которых замечаешь сразу, даже если очень стараешься не смотреть в их сторону. Семен умел держаться легко и уверенно, будто в любом месте чувствовал себя своим.

— Ты кого позовешь? – спросил он у рядом стоящего парня.

Ответ потонул в музыке. Я продолжала смотреть на экран, хотя теперь прислушивалась к их разговору гораздо внимательнее, чем следила за плейлистом.

— А ты будешь кого-нибудь звать? – донесся ответный вопрос.

Семен повернул голову в мою сторону и достаточно громко, чтобы я точно услышала, сказал:

— А я вон Лерку позову.

Я резко обернулась. Семен смотрел прямо на меня. На его лице играла такая невозмутимая улыбка, будто он только что сообщил нечто совершенно обыденное. Не зная, как скрыть

смущение, я шутливо показала ему кулак: только попробуй. Потом сразу отвернулась к ноутбуку. Мои глаза расширились от шока. *Он серьезно?*

Сердце забилося быстрее. Я смотрела на последние секунды трека, и мне казалось, что цифры на экране отсчитывают время до какого-то невероятно важного события. Ладони внезапно стали влажными, а пальцы — непослушными. Быстрая песня закончилась. На несколько мгновений в колонках воцарилась тишина. Я нажала на клавишу мыши.

Зал наполнили первые звуки «Это любовь». Яркий свет сменился приглушенным, и разноцветные блики медленно поплыли по стенам и лицам. Вокруг елки, которая находилась в центре актового зала и была высотой в потолок, начали собираться пары.

Семен отошел от стены, подошел ко мне, достал мою руку из-под стола и потянул за собой со словами:

— Ну что, Лерка, пошли.

Я поднялась со стула, сердце бешено заколотилось. Проходя мимо моего друга Миши, я услышала:

— У нас новая парочка?

Парочка. От этих слов ноги подкосились еще сильнее.

Пальцы Семена сомкнулись вокруг моих. Мы вышли из-за кулис, но пар мальчик-девочка я не увидела. Только девочки кружились со своими подругами, а парни разошлись по стенам и тихо переговаривались, посматривая на этот девчачий бал. Мне казалось, что на нас смотрят абсолютно все,

хотя никому не было до нас дела.

Семен привел меня в самый центр зала.

— Ну и как тебя братъ?

Я осторожно положила ладони ему на плечи, а он мне на талию. Он был чуть выше меня, поэтому мне не приходилось сильно поднимать голову, чтобы видеть его лицо. В разноцветном свете его глаза казались то голубыми, то серыми, то бирюзовыми. От одного осознания, что мы действительно стоим здесь вместе, внутри все сжималось и покалывало.

Первые несколько секунд я двигалась почти механически, боясь сделать глупое движение или наступить ему на ногу. Не знала, куда смотреть: ему в глаза, куда-то за его плечо или себе под ноги. Сердце колотилось так сильно, что мне казалось, будто Семен непременно его услышит. Он наклонился немного ближе и с улыбкой произнес:

— Главное, чтобы никто не узнал, что ты в седьмом классе.

Я посмотрела на него и не удержалась от смешка.

— Тебя посадят.

Семен помотал головой: не-а. Напряжение сразу стало слабее. Напротив меня был уже не страшный одиннадцатиклассник, рядом с которым я боялась пошевелиться, а знакомый парень из театра. Тот самый, с которым можно было шутить и дурачиться.

Некоторое время мы просто покачивались в такт музыке. Потом Семен вдруг посмотрел мне куда-то за спину и едва

заметно кивнул, предлагая: обернись. Я повернула голову.

Позади нас танцевали двое девятиклассников. Вернее, то, что они делали, трудно было назвать танцем. Они невыносимо смешно мотались из стороны в сторону, едва удерживаясь на ногах, будто были пьяными или изображали людей на корабле во время сильнейшего шторма. Я прыснула со смеху.

— Плохо у туалетов ты дежурил,- сказала я Семену.

Как дежурный старшеклассник он должен был следить за порядком, но, судя по танцующим позади нас девятиклассникам, со своей задачей справлялся не слишком хорошо.

Семён снова посмотрел на них, потом на меня. В его глазах вспыхнуло озорство.

— А давай так же?

Не дожидаясь ответа, он начал нарочито сильно раскачиваться из стороны в сторону, подражая тем парням. Я тут же подхватила его игру. Через несколько секунд мы уже совершенно забыли, что должны танцевать красивый медленный танец. Мы нелепо мотались из стороны в сторону и смеялись, стараясь превзойти девятиклассников. Вокруг продолжала звучать песня о любви, пары медленно кружились под цветными огнями, а мы дурачились посреди зала. И почему-то именно тогда мне стало по-настоящему хорошо. Не потому, что меня пригласил на танец популярный старшеклассник. И даже не потому, что его руки всё ещё лежали на моей талии. Просто рядом с Семёном мне вдруг стало легко. На несколько минут исчезли тревожные мысли, неуверенность и при-

вычное желание спрятаться от всех за кулисами. Остались музыка, смех и странное покалывание в животе.

Закончились последние строчки песни. Семён остановился, но ещё несколько секунд мы продолжали смотреть друг на друга и улыбаться. Я чувствовала, как меня переполняют эмоции, которым я пока не умела давать названия.

— Спасибо, — быстро пробормотала я.

Улыбнулась ему и почти сразу убежала за кулисы. Там я прислонилась спиной к стене и попыталась перевести дыхание. Сердце всё ещё билось где-то в горле, щёки горели, а руки слегка дрожали. Хотелось одновременно смеяться, кричать и спрятаться так, чтобы никто не видел моего счастливого лица.

Ко мне подошла та самая девочка, которая предложила включить медляк.

— Как так получилось, что ты с Ерофеевым танцевала?

Я посмотрела на неё и только пожала плечами. Я и сама не знала.

Из зала уже доносилась следующая песня. Кто-то просил меня вернуться к ноутбуку, но я ещё несколько секунд оставалась у стены, пытаюсь осознать произошедшее. Мне казалось, будто за моей спиной выросли огромные невидимые крылья. Ещё мгновение — и я оторвусь от пола, поднимусь над кулисами, над сценой, над всей школой. В тот вечер я ещё не знала, чем закончится эта история.

Я знала только одно.

Кажется, я влюбилась.

Глава 1

Снегурочка и Ерофеев

За несколько недель до дискотеки я ещё не была влюблена в Семёна Ерофеева. По крайней мере, именно так я потом объясняла всё самой себе. Он просто казался мне симпатичным. Просто иногда задерживал на мне взгляд. Просто шутил со мной немного чаще, чем с остальными. И если я невольно искала его среди ребят перед каждой репетицией, то исключительно потому, что он был заметным человеком. Высокий голубоглазый блондин среди толпы сонных школьников — попробуй не заметить. Никакой влюблённости. Наверное.

В тот день мы готовили номер школьного музыкального театра для КВН. После уроков актовый зал выглядел совсем иначе, чем во время концертов. В зрительном зале горела только половина ламп, на сцене валялись провода, листы с неполным сценарием и какие-то старые декорации, которые никто не решался выбросить. Из колонок время от времени раздавался обрывок музыки, после чего кто-нибудь кричал: — Нет, не с этого места! Перемотай назад!

И всё начиналось сначала.

Я сидела на краю сцены и болтала ногами, пока руководительница театра пыталась собрать нас в одном месте. Кто-

то продолжал разговаривать, кто-то листал телефон, а один из мальчишек зачем-то надел на себя бороду Деда Мороза и изображал древнего старика.

— Ребята, внимание! — в очередной раз позвала Людмила Алексеевна. — Нам нужно разделиться на пары. В каждой будут Дед Мороз и Снегурочка.— По залу тут же прокатилась волна голосов.

Все начали переглядываться, договариваться и шутливо спорить, кому с кем вставать. Я осталась сидеть на месте. В таких ситуациях мне всегда хотелось сделаться незаметной и дожждаться, пока кто-нибудь решит всё за меня. Подойти к человеку первой и предложить встать в пару казалось почти невозможным. Я опустила глаза, разглядывая носки своих кроссовок.

— Я с Леркой буду, — вдруг раздалось неподалёку.

Я подняла голову. Это сказал Семён. Он стоял в нескольких шагах от сцены, засунув руки в карманы темно-синих джинс, и смотрел прямо на меня. Казалось, он даже не раздумывал над выбором — просто назвал моё имя, будто заранее всё решил.

— Со мной? — переспросила я, на всякий случай оглянувшись.

В театре была не одна Лера и мне понадобилось убедиться, что он обращается именно ко мне.

— Нет, которая позади тебя стоит,— невозмутимо ответил Семён.

Я обернулась. Позади меня находился только открытый занавес.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Он улыбнулся, а я поспешно отвернулась, чтобы никто не заметил, как эта улыбка отозвалась странным теплом внутри. Он выбрал меня. Я тут же одёрнула себя. Ничего особенного не произошло. Возможно, остальные уже успели разбиться на пары. Возможно, Семёну просто было всё равно, с кем выступать. Возможно, он назвал первое попавшееся имя. Но сколько бы разумных объяснений я ни придумывала, одна мысль продолжала звучать громче остальных: Из всех девочек он выбрал именно меня.

Нам выдали костюмы. Мне досталась голубая шапочка, украшенная белым искусственным мехом, и длинная блестящая накидка. Она была немного велика и постоянно сползала с плеч. Семён натянул красную шапку, которая сидела на нём слегка криво, и приложил к подбородку пушистую белую бороду.

— Ну как? — спросил он, расправляя плечи. — Похож на настоящего Деда Мороза?

Я осмотрела его с нарочито серьёзным видом.

— Нет.

— Почему?

— Слишком молодой.

— Это комплимент?

— Это диагноз.

— Понятно. Какая злая Снегурочка мне досталась.

Он скорбно покачал головой, но по его глазам было видно, что ответ ему понравился. Улыбнувшись, я поправила накидку. Она сразу снова съехала набок.

— Стой, — сказал Семён.

Он подошёл ближе и потянулся к моему плечу. Я замерла, не понимая, что он собирается делать. Семён поправил край накидки, расправив перекрутившуюся ткань.

— Вот теперь нормально.

— Спасибо, — пробормотала я.

Это было совершенно обычное движение. Он всего лишь поправил часть костюма. Но ещё несколько секунд я продолжала чувствовать на плече тепло его пальцев.

Людмила Алексеевна повторила каждой паре, какую шутку она говорит и включила "Кадриль". Сначала пары должны были пройти по сцене, затем повернуться друг к другу, взяться за руки и несколько раз прокружиться. Потом встать в позу вальса и, проходя по краю сцены двигаться в сторону кулис, говоря каждый свою шутку.

На объяснении всё выглядело легко. На деле мы постоянно сталкивались, путались в направлениях и наступали друг другу на ноги.

— Семён, в другую сторону! — крикнула руководительница.

— Я иду в правильную!

— Ты рано увёл Леру за кулисы! Ваша музыка не закончилась еще!

Мы остановились почти у самого занавеса. Я посмотрела на Семёна и не выдержала — рассмеялась. Он сохранял серьёзное выражение лица ещё секунды две, а затем тоже засмеялся.

— Это был авторский вариант, — заявил он. — Мы должны выделяться.

— Особенно когда случайно уйдём со сцены.

— Не случайно. Загадочно.

Музыку запустили сначала. На этот раз Семён протянул мне обе руки.

— Давай, Снегурочка. Попытка номер два.

Я вложила ладони в его руки. Они оказались тёплыми, несмотря на то что в актовом зале было прохладно. Мы начали двигаться медленнее, внимательно следя друг за другом.

— Раз, два, три, поворот, — тихо считал Семён.

— Я и сама помню.

— Тогда почему опять идёшь не туда?

— Потому что ты меня неправильно ведёшь.

— Удобно всё свалить на Деда Мороза.

— Его работа — исполнять желания. Моё желание — не упасть со сцены.

Он усмехнулся и сжал мои пальцы чуть крепче, помогая удержать равновесие во время поворота. На следующем кру-

те всё наконец получилось. Мы синхронно остановились, повернулись друг к другу и замерли в нужной позе.

— Вот! — обрадовалась руководительница. — Лера и Семён, запомните, как сейчас сделали.

Мы переглянулись с таким видом, будто только что совершили нечто невероятное.

— А я говорил, что мы профессионалы, — прошептал Семён.

— Ты этого не говорил.

— Но думал.

С каждой новой попыткой становилось легче. Я перестала бояться ошибиться и начала получать удовольствие. Даже когда мы снова путали движения, Семён превращал это в шутку. Он то изображал почтенного старика, держась за спину, то начинал кружить меня слишком торжественно, словно мы находились не на школьной сцене, а на настоящем балу. Я смеялась так много, что под конец репетиции у меня заболели щёки.

Раньше Семён казался мне далёким. Он учился в одиннадцатом классе, уверенно держался на сцене, чудесно пел и легко разговаривал со всеми. Рядом с ним я особенно остро ощущала себя семиклассницей, которая случайно оказалась среди старших. Но во время той репетиции расстояние между нами словно исчезло. Он больше не был просто голубоглазым Ерофеевым, которого я замечала в школьных коридорах. Теперь у нас были общие шутки, неудачные повороты

и наш собственный «авторский вариант» танца.

Когда репетиция закончилась, ребята начали расходиться. Я сняла голубую шапочку и попыталась аккуратно сложить накидку. Получалось плохо: блестящая ткань постоянно разворачивалась и выскальзывала из рук.

— Давай сюда, — сказал Семён.

— Я сама.

— Я вижу.

Он забрал накидку и сложил её за несколько движений. Получившийся свёрток был далёк от идеала, но хотя бы не распадался.

— Вот.

— Спасибо, Дедушка Мороз.

— Не за что, внучка.

— Никогда больше меня так не называй.

— Хорошо, внучка.

Я несильно ударила его свёрнутой накидкой по плечу. Семён рассмеялся и прикрылся бородой Деда Мороза, как щитом.

— Нападение на пожилого человека! Свидетели есть?

— Никто тебе не поверит.

— Почему?

— У тебя борода на резинке.

В этот момент нас позвали помочь убрать реквизит. Мы разошлись в разные стороны, но все равно я продолжала украдкой смотреть на Семёна. Несколько раз наши взгляды

встречались. Каждый раз он едва заметно улыбался, а я сразу находила себе какое-нибудь очень важное занятие: поправляла костюмы, собирала листы или делала вид, что внимательно изучаю сценарий.

Позже, уже по дороге домой, я снова и снова прокручивала репетицию в голове. То, как Семён без раздумий назвал моё имя. Как поправил мою накидку. Как держал меня за руки и тихо считал шаги. Как мы смеялись, оказавшись почти за кулисами. Наверное, для него это был обычный вечер. Одна репетиция среди десятков других. Простые шутки, которые он забудет уже к следующему утру. Но я помнила каждую мелочь.

Дома я бросила рюкзак возле кровати и подошла к зеркалу. На меня смотрела всё та же девочка: растрёпанные, темно-медные от покраски волосы, уставшее лицо, обычная школьная кофта, глубокие, почти черные, карие глаза. Никаких видимых изменений. И всё же что-то было иначе.

Я ещё не называла это влюблённостью. Не позволяла себе. Просто вспоминала голубые глаза Семёна и ловила себя на том, что улыбаюсь собственному отражению.

Глава 2

Белый шум

— Как КВН переносят?— я была в недоумении. Людмила Алексеевна только развела руками.

— Ну, Лер, зато будет больше времени подготовиться. У нас даже сценарии не всех номеров готовы.

Руководительница была права. Было еще куча работы.

— Ну вы не стойте. Сегодня репетиции не будет. Отдохните. У меня дела важные есть.

—А "Песню года" не перенесли? Она так и остается двадцать девятого числа?

— Ты не забывай. У нас еще и двадцать шестого для седьмых классов. Двадцать девятого для девятых и пятых, шестых. В этот день нам надо два раза провести мероприятие.

Я и мой друг Миша с десятого класса попрощались с учительницей и покинули школу. Мы дошли до остановки, немного пообсуждали школьный день и разошлись. Я ушла домой, а Миша остался ждать автобус. Он жил за городом.

Я достала телефон, как только отошла от остановки. Надо было сообщить Семену, что КВН перенесли. Я записала ему видео-кружок с этой новостью, но сразу же удалила его. Я сегодня выгляжу так себе. Стоп. А почему я вообще задумываюсь о своем внешнем виде? Ответа на этот вопрос я не нашла, но все равно написала ему текстовое сообщение.

— Семен! КВН будет 11 января. Его перенесли,— и спря-
тала телефон обратно в карман длинного пуховика, сегодня
на улице было достаточно морозно.

Однако ответ пришел почти моментально, телефон завиб-
рировал.

— Вот вы только не говорите, что мы еще на каникулах
этой фигней страдать будем.

— Ты хочешь проиграть учителям и команде старше-
классников? Я—нет.

— Ха-ха-ха. Мы и так не проиграем. Наш юмор никто не
переплюнет. Особенно шутки про мою анкету на сайте зна-
комств, где я писал, что ищу девушку, которая умеет гото-
вить сырники.

— Ты реально такой фанат сырников?— руки уже начали
подмерзать.

— Да.

— Я запомню.

— Лерка, а ты сырники умеешь готовить?

— Умею.

В ответ мне прилетел улыбающийся смайлик ":)". И все?
Зачем он спросил про сырники? Эти вопросы я сразу же вы-
бросила у себя из головы. Он просто поинтересовался. Но
если нет...

Я зашла домой и села делать домашнее задание, которое
мне задали на курсах разговорного английского. Занятие на-
чиналось уже совсем скоро, надо было торопиться, но мысли

были заполнены Семеном.

Я снова вспомнила прошлую репетицию. Вспомнила, как он выбрал меня в пару, как мы танцевали, шутили, смеялись, как он поправил мой костюм и помог сложить его. Я прикусила губу, чтобы из мира воспоминаний вернуться в реальность. Мне хотелось верить, что все эти знаки были чем-то большим, чем просто вежливость.

В этот момент мой телефон завибрировал. Я думала, что это Семен, но ошиблась. В группу театра сообщение написала Людмила Алексеевна.

— Дети! Завтра репетируем танец для открытия "Песни года". После уроков все бегом в мой кабинет. Жду всех до единого!

Танец был под песню "Топим" BEARWOLF. Его ставила девочка с восьмого класса, она танцевала просто божественно. Каждое движение выполнялось настолько профессионально и с душой, что я готова смотреть на ее танец бесконечно. Но какое отношение имела подобранная песня к Новому году? Вопрос хороший. Просто Людмиле Алексеевне очень понравился мотив песни и этого оказалось достаточно.

Завтра на репетицию должен был прийти и Семен. На прошлой репетиции танца мы играли в гляделки. Этот момент пронзил голову, я совсем забыла про то "соревнование". Ну, конечно, гляделками это было назвать сложно. Мы скорее пытались смотреть друг на друга и оставаться с серьезным

выражением лица, что получалось особенно плохо. Смотря на Семена, я не могла сдержать улыбку, а он, видя мои смешки, тоже не мог не улыбнуться. В итоге эта игра закончилась тем, что мы рассмеялись, встали из-за парт и присоединились к танцующим.

Я очнулась и посмотрела на время. Электронные часы показывали ровно 15:45. Я вскочила со стула, взяла рюкзак, запихнула в него учебники и выбежала из комнаты.

Следующий день начался с беготни по квартире. Я проспала. Мама влетела в комнату с этой новостью. Я проснулась настолько быстро, будто меня ледяной водой окатили, но толку от этого не было. Когда я встала, то ноги оказались ватными и передвигаться было достаточно тяжело. Выйдя из комнаты, я наблюдала такую картину: папа резко надевает куртку, натягивает шапку и выбегает из квартиры, ни с кем не попрощавшись. По оглушающему хлопку входной двери можно было понять, что он в бешенстве. Из кухни доносятся оправдания Матвея сквозь мамины фразы: «Ты можешь шустрее жевать?», «Матвей, бегом», «Сам будешь учителю оправдываться, если опоздаешь». Тут мамина фигура пронеслась в сантиметре от моего носа с бешеной скоростью по направлению к ее комнате:

—Ты так и будешь загораживать проход?!

От такой суеты мне стало еще хуже. Терпеть не могу топиться. Подходя к двери ванной, я потерла лицо ладонью, зевнула и со всей силы ударилась мизинцем об острый угол

плинтуса. Меня скрутило и грязное ругательство само вылетело наружу. Боль была настолько неожиданной, что я даже не сразу поняла, что произошло. Осознание пришло позже: фраза прозвучала слишком громко. Сердце на секунду замерло от страха, но тишина за стеной родительской спальни заставила пульс замедлиться.

Все последующие часы я хромала. В школе ребята из театра подходили и спрашивали, что у меня с ногой, а когда слышали мою утреннюю историю, то смеялись, "говорящее начало дня". Я и сама над этим посмеивалась, но вплоть до того момента, когда боль пронзала стопу до самой пятки.

Все последующие репетиции были полные ярких, светлых и запоминающихся моментов. Каждый раз, когда я видела Семена, когда танцевала с ним шуточную кадрили, когда шутила, а он смеялся и подбрасывал еще более гениальную шутку, мне становилось легче дышать. 23 декабря мы втроем, Миша, Семен и я, снова сидели в кабинете Людмилы Алексеевны. Я сидела за ноутбуком и писала сценарий, который диктовали учительница и мальчишки. Семен сидел вполоборота и хитро, по-лисы шурился.

— Что?

— Ты так усердно строчишь. Прямо черепашня скорость, дай-ка я сяду, — он встал со своего стула и подошел ко мне.

— Размечтался, место занято, возвращайся на свой престол.

— Лерка, на выход. Уступи место дедушке, — Семен по-

пытался выпихнуть меня со стула, но безуспешно. Я вцепилась в столешницу и шуточно оттолкнула его.

— Какая ты невоспитанная! Мсть моя будет страшна, — ручка и верхний лист со свежим куском распечатанного сценария бесследно испарились со стола прямо из-под моего носа. Семен навесу начал что-то рисовать, посмотрел на результат и посмеялся.

— А ну покажи!

— Размечталась, — он передразнил меня. Азарт внутри закипел, и я кинулась вырывать листок у него из рук.

Битва за огрызок бумаги длилась недолго. К Людмиле Алексеевне пришла мама одного хулигана с ее класса, и она попросила выйти нас в коридор на время их беседы.

— Да покажи ты уже, что там изобразил!

— Лерка, есть такие вещи, которые красивым девушкам знать необязательно, — Семен хитро ухмыльнулся.

— Какой же ты противный!

Я выждала момент, сделала резкий выпад и все-таки завладела этим несчастным листком. Но едва я начала его изучать, как бумага снова исчезла из рук. Повернув голову, я увидела, как Семен дразнит меня им, словно тореадор — красной тряпкой. Я подлетела к нему со спины, подпрыгнула, пытаясь врыть добычу, но пальцы схватили пустоту. Тогда я облокотилась предплечьем на его спину, а он тяжело оперся на меня в ответ, пригвождая к полу.

— Удобно? — попыталась возмутиться я, но внутренние

эмоции взяли верх. Мне было безумно весело дурачиться с Семеном.

— Более чем. Миша, щелкни нас. Я хочу посмотреть, насколько жалко это выглядит со стороны.

Миша послушно достал телефон из кармана и сделал снимок. Он показал результат нам, Семен прыснул от смеха.

— Ну ты и мину скорчила, конечно.

— На себя посмотри. Тоже мне, модель. Глаза вообще за-
жмурил.

— Это я так позировал.

— Ага, оправдывайся дальше.

В этот момент из класса вышла Людмила Алексеевна и пригласила нас зайти обратно. В кабинете было намного теплее, чем в ледяном коридоре. Пока я наслаждалась теплом, Семен проскользнул мимо и уже оказался за ноутбуком. Он с деловитым видом выпрямил спину, сделал порхающий взмах руками и приготовился печатать.

— Ну ты и позорник. Занять место собственной внучки. Ни стыда, ни совести.

— Я мщу тебе. Понимаешь, жизнь — бумеранг. Как ты к людям относишься, так и они к тебе.

— А месть — это грех, кстати.

— Ой, Лерка, твою душу давно пора очищать от скверны. Правда, неизвестно, поможет ли. Карма тебя однажды настигнет.

Я закатила глаза и посмотрела на время. Нужно было

уходить. Схватив рюкзак, я сообщила, что ухожу. Людмила Алексеевна назначила время завтрашней репетиции, и когда я оказалась в проходе двери, услышала:

— Лера, если тебя собьет КамАЗ — это не я.

Я тут же обернулась. Глаза Семена и его хитрая, но насмешливая улыбка заставила меня показывать свои актерские навыки. Я схватилась руками за голову:

— О мой бог! Как мне теперь жить с этой информацией!

Тут же переменялась в лице и добавила с совершенно другой интонацией:

— Хотя то, что ты честно признался в своем будущем преступлении — благородный поступок.

Мы улыбнулись друг другу, и я ушла окончательно. Я привязывалась к Семену все сильнее, а желание жить разгоралось во мне все ярче. Если в начале учебного года я мечтала просто не проснуться на следующее утро, то сейчас хотела, чтобы вечер пролетал быстрее и скорее наступал новый день. Я ловила себя на мысли, что хочу снова увидеть, как он улыбнется мне с другого конца холла, пойдет навстречу, бросит свое фирменное: «Привет, Лерка», комично подмигнет — и весь мир вокруг наполнится светом до самого вечера. От каждого такого утреннего приветствия хотелось вдохнуть весь воздух этого мира. Но декабрьский воздух за дверями школы ударил по лицу. На улице было темно, холодно и безнадежно серо. Фонари светили, роняя тусклый желтый свет на сугробы.

Дома меня встретила мама:

— Господи, на кого ты похожа? Щеки горят. Температуры нет?

— Нет, мам, просто бегали, — соврала я, стягивая ботинки. Нога почти прошла, напоминая о себе лишь слабой фантомной болью.

— Иди ешь и садись за уроки. И сменку свою хоть раз отнеси на балкон, а не кидай в прихожей.

Обычные слова, но сегодня они звучали как белый шум. Я механически жевала макароны, слушая, как Матвей взахлеб рассказывает о какой-то футбольной команде, а папа возмущается политикой. Вкус еды отсутствовал. Тепло батареи под столом не грело колени.

Вечером в комнате я наконец-то позволила себе выдохнуть. Достала телефон и открыла мессенджер. Чат с Семёном отражался пугающей пустотой. Последним висело мое сообщение: «Я жду встречу с КамАЗом бампером к лицу». Статус: Прочитано. 16:42. Сейчас 20:02. Четыре часа тишины. Разум тут же подбросил варианты оправданий: Он делает уроки. У него тренировка. Он пошел гулять с друзьями или с некой Викой, про которую я слышала от одноклассницы. Вроде как, в прошлом году она нравилась Семёну.

Но сердце знало правду. Для него наше дурачество закончилось там, в коридоре. Он вышел, встряхнулся, как собака, сбросив роль шута, и стал обратно серьёзным Семёном, которому поступать в следующем году. А для меня эта игра

стала кислородом. И сейчас кислород перекрыли.

Я швырнула телефон на кровать экраном вниз. Нужно отвлечься. Взгляд упал на подоконник. Там стояла коробка из-под обуви, обклеенная кусками цветной бумаги — моя капсула времени с лета. Тот период, когда меня начала мучить мигрень, кошмары, и подавленное состояние затянулось. Я дернула крышку. Внутри лежали старые рисунки. Черно-белые, рваные, сделанные гелевой ручкой. Люди без лиц. У всех глаза были перечеркнуты крест-накрест. Я вытащила верхний лист, провела пальцем по бумаге. Тогда казалось, что если закрыть им глаза, то боль перестанет быть видимой. Не поможет.

Телефон издал тихий звук. Звук уведомления. Я замерла, перестав дышать. Сердце рухнуло куда-то в желудок и забилось там пойманной птицей. Неужели?.. Медленно, очень медленно я подошла к кровати и взяла телефон. Экран загорелся. Сообщение было от брата. Какое-то видео.

Обломок льда впился прямо под ребра. Вот оно. Настоящее чувство. Когда ты сидишь над телефоном, гипнотизируя черный экран, и ненавидишь саму себя за эту слабость. За то, что пульс человека управляет твоим сердцебиением.

Я села на кровать, прижавшись спиной к холодной стене и обняла колени. Семен прав. Моя душа давно требует очищения. Только очищать ее придется не кармой, а вот этим липким, мерзким чувством собственной ненужности. Если завтра он не посмотрит сквозь меня так же, как смотрел утром,

то огонь, который только-только разгорелся во мне, погаснет навсегда. И второго раза может не случиться.

За окном крупными хлопьями повалил снег, замечая следы прошедшего дня. Я закрыла глаза и провалилась в сон.

Глава 3

Новый диагноз

— Ваш врач задерживается, — сообщили нам с мамой на ресепшн в платной клинике. — Вы можете пройти к другому специалисту. Будете лечиться у нее. Наталья Викторовна — невролог-психиатр, не менее опытная. Просто Светлану Владимировну сегодня придется подождать дольше обычного.

Мама шумно вздохнула:

— Давайте.

— Пройдемте.

Девушка в нежно-розовом свитере повела нас до кабинета моего нового врача. Мы зашли внутрь.

— Добрый день, — голос врача оказался высоким, но на удивление приятным.

Сама она была рыжевато-русой, с темными отросшими корнями. Сквозь линзы очков формы «панто» на меня смотрели выразительный голубые глаза. При каждом выдохе аккуратные ноздри курносого носа едва заметно раздувались.

— Я вас слушаю, — сказала врач, заправив распущенные волосы за уши.

Мама начала тараторить, комкая в руках ремешок сумки: — Каждый день у неё болит голова. Засыпает по полтора часа, не высыпается. Говорит, что ночью может проснуться

и долго лежать без сна. В поликлинике поставили мигрень, но таблетки пить запретили из-за возраста, а больше ничего не предложили.

— Я поняла. Давайте сделаем так: сейчас выйдет Лера, вы расскажите все со своей стороны, а потом мы поменяемся местами.

Я кивнула, встала со стула и вышла в коридор. За дверью стояла жесткая кожаная кушетка — именно туда я и приземлилась.

Мне стало не по себе. Знакомое чувство тревоги начало скручивать желудок холодным узлом. Колени затряслись мелкой дрожью; чтобы занять руки, я принялась ковырять заусенец на большом пальце, а потом и вовсе начала грызть ногти до самого мяса. Из-за двери доносился приглушенный голос мамы, но слов было не разобрать. И дело было не в том, что она могла рассказать. Я боялась того, что могу ляпнуть сама. «Главное — не сболтнуть лишнего». Эта мысль билась в голове набатом вплоть до тошноты.

Минуты тянулись невыносимо долго, словно жвачка. Наконец дверь открылась.

— Проходи, — мягко позвала Наталья Викторовна. Теперь напротив врача сидела я, а мама осталась снаружи.

— Нас не было слышно? — уточнила доктор. — Я могу попросить её отойти еще дальше по коридору.

— Только гул голосов, слов не разобрать. Всё нормально.

— Хорошо... Мне обращаться к тебе на «ты» или на «вы»?

— На «ты».

— Договорились. Ну что, Лер, рассказывай. Что беспокоит на самом деле?

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь в диафрагме, и начала:

— С лета у меня практически каждый день болит голова. Иногда я вообще не пью обезболивающие, а иногда могу выпить сразу три таблетки нурофена, но это бесполезно. Ничего не помогает. Она быстро черкнула что-то в карте.

— Записала. А как обстоят дела со сном? Просто не получается уснуть, или есть какая-то причина? Навязчивые мысли?

Вот оно. Тот самый момент, которого я боялась. Но мягкий свет лампы и спокойный взгляд голубых глаз сделали своё дело — защитные барьеры начали крошиться.

— Скорее да, мысли. Они разные, но все одинаково тяжёлые. Часто по вечерам я ссорюсь с родителями. Разные мелочи превращаются в затяжные скандалы. На папины наезды я реагирую остро — становлюсь раздражительной, вспыльчивой. Когда он повышает на меня голос, я кричу в ответ. Это бесит его ещё сильнее, а я просто не могу остановиться. Гнев полностью заполняет меня, выжигает изнутри. Папа переходит на личности, может неприятно оскорбить. От кипящих внутри меня эмоций начинают течь слезы, а слезы переходят в истерику. После этого, когда мы расходимся по комнатам, я лежу в кровати и плачу. Мне настолько обидно, что они

не могут услышать меня, придираются к каждому слову... — голос дрогнул, горло сдавило спазмом, а к глазам подступили предательские слёзы. — За все тринадцать лет жизни я будто потеряла какие-либо чувства к родителям. Я возвращаюсь домой, но не чувствую себя дома. Я там чужая...

Эти слова оказались добивающими. Тело содрогнулось в беззвучном рыдании. Я облокотилась локтями о колени и закрыла лицо руками, чувствуя, как горячие капли скатываются сквозь пальцы. Так горько мне не было очень давно.

— Я примерно понимаю, о чем ты говоришь, — голос Натальи Викторовны прозвучал совсем рядом, но она не трогала меня физически, давая пространство. — Но я бы хотела копнуть чуть глубже, можно? Ты позволишь задать еще вопросы?

Я вытерла щеки рукавом полосатой кофты и молча кивнула.

— Какие эмоции обычно живут внутри тебя? Или, возможно, их нет совсем?

— Дома и в школе я либо не чувствую почти ничего, либо глубокую грусть. Только на репетициях в театре я могу улыбаться и смеяться. Там я забываюсь... Но стоит выйти в коридор, как всё возвращается. По пути домой я включаю музыку в наушниках на максимум, лишь бы не слышать собственные мысли. Просто когда негатив переполняет... — я замялась, подбирая слова, которые не звучали бы как признание сумасшедшей, — то я начинаю расчесывать руки. До

крови. Появляются широкие полосы, сначала красные, похожие на ожоги. Через несколько дней они покрываются толстой коркой, которую сложно скрыть под рукавами.

Я замолчала, уставившись в свои колени. Голубые глаза врача смотрели внимательно, ожидая продолжения, но поняли, что его не будет.

— Хорошо. То есть не хорошо, а в том плане... — она шумно выдохнула через рот. — Лер, я думаю, нам нужно прямо сейчас пройти тест на выявление депрессии. Я беспокоюсь за тебя, правда. Всё то, что ты рассказала... это тревожные звоночки. — она вдруг понизила голос почти до шепота. — Мама знает? Ну, про расчесы и навязчивые мысли?

Вопрос оказался настолько абсурдным, что я невольно криво улыбнулась сквозь остатки слез.

— Ну да. Ответ очевиден, — Наталья Викторовна повернулась к монитору, застучала клавишами и открыла какой-то файл. — Смотри. Сейчас я буду задавать тебе вопросы и прочитаю четыре варианта ответа. Твоя задача — выбрать один. Если вопрос покажется слишком личным или некомфортным, можешь пропустить.

На все вопросы я ответила честно. Но под конец теста плечи снова затряслись. Я старалась плакать тихо, почти беззвучно, чтобы мама за дверью не услышала этот позор. Врач молча подвинулась ближе и положила ладонь мне между лопаток, медленно поглаживая спину круговыми движениями. И почему-то от этого простого человеческого жеста плоти-

на окончательно рухнула. Я почувствовала, что кому-то действительно не наплевать.

Я достаточно быстро успокоилась, подняв голову. Лицо и веки горели огнем.

— Все выплакала или дать платок?

— Всё нормально, спасибо.

— Я надеюсь. Что ж, смотри, какие выводы я сделала, — голос Натальи Викторовны стал профессионально-успокаивающим, бархатным. — Тест указывает на наличие депрессии средней степени тяжести. Один из побочных эффектов такого состояния — хронические боли и мигрени. Поэтому основным лечением здесь будут антидепрессанты. Я бы выписала тебе два препарата курсом. Ты не против начать терапию?

— Нисколько.

— И еще. Я должна сказать маме о диагнозе?

«Да». Пусть знает. Я хочу посмотреть ей в глаза, когда она услышит это медицинское подтверждение моей «испорченности».

— Да, — повторила я тверже. — Но про симптомы не надо, ладно? Не говорите ей про руки.

— Естественно. Конфиденциальность никто не отменял. Зову маму?

Я кивнула. Врач объяснила маме ситуацию максимально мягко, используя термин «клиническая депрессия». Название вероятного диагноза прозвучало слишком официально,

тяжело. Оно пахло больницей и приговором. Я смотрела на бежевые стены кабинета и никак не могла поверить, что всё это происходит на самом деле. И что всё это — про меня.

Депрессия средней стадии. Это больше не «переходный возраст», не «лень» и не «дурной характер». Это медицинский факт. У моей боли теперь есть название, штрих-код и показания к применению. Стало ли мне легче? Ничуть. Легче бывает, когда чинят сломанную вещь. А здесь... они просто признали, что я — бракованная деталь. Таблетки — это ведь не ремонт. Это попытка замазать трещину краской, чтобы она не так бросалась в глаза окружающим. Они соберут мои слезы в пробирку, заглушат мигрень, возможно, дадут уснуть без кошмаров. Но разве химический баланс в мозге заставит Семена понять, что он помогает мне чувствовать себя лучше? Разве серотонин вернет чувство дома? Поможет наладить атмосферу?

Я больна. Эта мысль была тяжелой, шершавой, как пилочка для ногтей. Если мой мозг болен химически, значит, всё, что я чувствую — нереально? Я должна быть благодарна родителям за то, что они терпят мою болезнь? От этой несправедливости подкатила тошнота. Хотелось подойти к стене и биться об неё головой, пока звон в ушах не заглушит голос врача.

Мы вышли из клиники. Все было как в тумане, но морозный воздух обжег лицо и отрезвил меня. Папа ждал нас недалеко от входа. Я села в машину.

— Ну как? Выписали что-нибудь? — поинтересовался папа, не отвлекаясь от дороги.

Мама сделала раздраженный вдох и на выдохе сказала:

— Мг, антидепрессанты.

Папины глаза расширились:

— Реально?

Она кивнула, смотря в одну точку. Такое ощущение, будто она представила, сколько по стоимости выйдут таблетки на месяц. Она вовсе не спросила, почему мне выписали эти серьезные препараты. Во взгляде было одно недовольство. Папа посмотрел на меня в лобовое зеркало. Я резко опустила глаза и сделала вид, что не заметила.

Я положила телефон экраном вниз. Взгляд упал на блистеры на тумбочке. Двухцветные капсулы на утро и овальные таблетки, разделенные на три части. По вечерам нужно отламывать одну часть и выпивать.

Завтра утром я проснусь и стану другой. Девочкой, которой выписали рецепт от пустоты.

Я легла на кровать прямо в одежде, подтянув колени к груди. Впервые за четыре месяца головная боль начала отступать, уступая место тяжелой, свинцовой усталости. Но вместе с ней пришло и кое-что еще. Тихое, абсолютное чувство космического одиночества. Рецепт лежал на соседней подушке, но врач не выписала обезболивающее от этого чувства.

За окном окончательно стемнело. Снег заметал следы ухо-

дящего дня, ровным слоем скрывая грязь города. Нужно было чем-то занять руки. Если я просто буду лежать и смотреть в потолок, мысли сожрут меня заживо, а пальцы сами потянутся к старым шрамам на запястьях или начнут отковыривать кожу вокруг ногтей до крови. Это был старый, привычный механизм сброса напряжения, который теперь казался предательством самой себя.

Я села за письменный стол. Достала из ящика ножницы и цветную бумагу. В театре скоро Новый год, Людмила Алексеевна просила всех принести самодельные украшения для актового зала. Механическая работа всегда успокаивала. Или должна была успокаивать.

Ножницы тихо шелкали в темноте комнаты. Раз. Лист сложен вдвое. Два. Отрезаю уголок. Три. Я старалась сосредоточиться на геометрии узора, на том, чтобы края были острыми и ровными. Но пальцы предательски дрожали мелкой, противной дрожью. Вышла кривая, убогая фигура, больше похожая на помятую салфетку, чем на кружево. Лезвие соскользнуло и оставило косой порез на бумаге там, где должна быть изящная грань.

— Да чтоб тебя! — прошипела я сквозь зубы. Я смяла бумажный комочек и швырнула его в стену. Он беззвучно упал на ковер рядом с горсткой таких же неудач. Даже здесь провал. Я не могу даже вырезать чертову снежинку, потому что внутри всё вибрирует от паники.

Папа прошел мимо моей двери по направлению на кухню.

Пол скрипнул под его тяжелым шагом. Мама крикнула ему что-то вслед — раздраженно, громко. Обычная вечерняя рутина нашей квартиры, которая сейчас звучала как скрежет пенопласта по стеклу. Гнев родителей ощущался физически — как низкое давление перед грозой, от которого ломит кости. Я инстинктивно втянула голову в плечи.

Телефон на кровати продолжал лежать экраном вниз. Я знала, что он там. Знала, что стоит протянуть руку, нажать кнопку — и ничего не изменится. Там будет пустота. Или очередные уведомления с ненужных каналов, которые удалить никак не доходили руки. Но ждать сообщения от Семёна было физической болью. Это похоже на то, как отсидишь ногу: мозг посылает сигнал боли, требуя пошевелить ею, но ты продолжаешь сидеть неподвижно, парализованный страхом сделать еще хуже. Три часа сорок минут. Статус «Прочитано» 16:42 горел на обратной стороне век невидимым клеймом.

Семен не напишет сегодня. Эта мысль больше не вызывала слез. Она вызывала онемение. Ледяную корку, которая затягивает полыню. Если признать этот факт сразу, станет легче дышать. Не будет надежды — не будет разочарования. Сегодня битва проиграна. И дело даже не в КВН. Дело в том, что моя личная таблетка от пустоты оказалась временной. Я придумала себе спасательный круг, а оказалось, что держусь за кусок пенопласта посреди океана.

Сон не шел. Было только бесконечное, вязкое ожидание

чуда, которое точно не случится до того, как прозвенит будильник в четыре утра.

Глава 4

Пение лечит все?

26 декабря. Выступление с театром. Два урока. Прошлым вечером мне было плохо не только морально, но и физически. Я еле уснула, а в пять утра проснулась от того, что к горлу подступила тошнота. Мигрень, о которой говорила Наталья Викторовна, пришла не одна — она привела с собой приступ рвоты, который «сделал мой день» еще до рассвета.

В школу я пришла просто никакая. Я не могла подвести театр и остаться дома. Вся бледная, я стояла в конце класса, когда зашла Людмила Алексеевна. Она увидела меня, ее глаза округлились. Я натянуто улыбнулась:

— Все настолько плохо, да?

— Лера, что у тебя уже успело случиться за утро? На тебе лица нет.

Мы вышли в пустой коридор. Холодный воздух немного отрезвил меня, и слова полились сами. Я рассказала ей всё. И вчерашний поход к врачу, и эти страшные бумажки с диагнозом, и утреннюю рвоту, из-за которой мама чуть не оставила меня дома.

Она выслушала молча, нахмутив брови. А потом вдруг мягко ткнула меня пальцем в плечо.

— Какая депрессия, Иванкова? Не смей мне тут расклеиваться. Ты же знаешь, на тебе всё настроение театра держит-

ся. Без тебя никак.

Я понимающе моргнула, чувствуя, как к горлу снова подкатывает ком. «Без меня никак». Эта фраза въелась в голову, выжигая на подкорке клеймо ответственности. Я нужна здесь. В театре я не пустое место, во мне есть смысл. Ради этого смысла можно потерпеть тошноту.

Мы зашли обратно. Толпа выступающих смотрела только на меня и во время распевки каждый спросил, как я себя чувствую.

— Кира, а ты чего так хрипло поешь сегодня? — вдруг прервалась Людмила Алексеевна.

— Заболевать начала, — пожала плечами девочка.

— Только попробуй. Не смей болеть, у нас еще куча работы, — сказала преподавательница и погрозила ей пальцем.

— Да не переживайте. Вы же знаете, я как Лера, хоть мертвая приду, — Кира посмотрела на меня и улыбнулась.

Я и вправду не была пустым местом в театре. На меня надеются, в меня верят.

Первым уроком у моего класса была музыка, которую, по счастливому совпадению, вела всё та же Людмила Алексеевна. Но даже это не спасало. Каждый звук казался скрежетом металла по стеклу, а звуки оперы с видео отдавались прямо в больной висок. К середине урока учительница перестала делать вид, что не замечает моё состояние. Она резко прервала свой рассказ и посмотрела на меня:

— Лер, выйди-ка. Ты мне вообще не нравишься. Сходи в

медпункт.

— Я выпила таблетку, которую взяла из дома. Врач сказала, должно полегчать, нужно подождать...

— Я надеюсь, — кивнула она, но взгляд оставался тревожным. — Если станет хуже — сразу ко мне.

Под конец урока состояние не изменилось. Чертовы таблетки. Должны помочь, а в итоге сделали только хуже. Хотя врач предупреждала про побочные эффекты в первые дни. Возможно, эта мутная тошнота и ватное тело — это именно они.

Следующим по расписанию стояла информатика. Предмет, который я ненавидела всей душой. Учитель Петр Валерьевич относился ко мне точно так же, как и я к его предмету. Он постоянно повышал на меня голос, называл тупой и любил спрашивать именно тогда, когда я отворачивалась. Сегодня я бы просто не пережила эту пытку.

На перемене я подошла к Людмиле Алексеевне, которая собирала бумажки со стола:

— Можно я у вас этот урок отсижу? Я информатику... не переживу сегодня.

Она подняла глаза, секунду помолчала, оценивая мою зеленоватую бледность, и махнула рукой в сторону выхода из кабинета:

— Естественно. Сядешь в конец класса. Если кто спросит — ты помогаешь мне готовить звук для «Песни года».

Я собрала вещи и покинула класс под презрительный

взгляд Петра Валерьевича. Закрыв за собой дверь своего личного убежища, я сразу почувствовала душевную легкость. Вот оно — единственное место в этой бетонной коробке, где я чувствую себя по-настоящему хорошо. Где никому не важны мои оценки, моя семья и мое лицо. Главное — вовремя подать нужный лист со сценарием.

У Людмилы Алексеевны сейчас был урок музыки у четвертого класса. Только они начали разучивать песню про елочку и старательно тянули высокие ноты, как тяжелая дверь кабинета с грохотом распахнулась. Внутрь ввалились Семён с Мишей — румяные с мороза, пахнущие свежестью и адреналином. Их освободили от уроков для важного дела: сегодня театр выступал еще и на новогодней ёлке для начальных классов. Семен играл Деда Мороза, а Миша — вредного Бармалея.

— О, еще одни прогульщики нарисовались, — Людмила Алексеевна гостеприимно развела руками, прерывая пение поющих. — Заходите, присаживайтесь.

— Нет, мы детей замораживать пришли. На полуфабрикаты, — тут же нашелся Семён. — Благородное дело, между прочим.

Людмила Алексеевна только покачала головой, пряча улыбку, и вернулась за фортепиано. Миша сразу метнулся к задней парте доставать из рюкзака какую-то снедь, а вот Семён перевел взгляд на меня. Его глаза — ярко-голубые, живые — моментально заметили мое состояние.

— Лерка, а с тобой что? Ты уже заморозилась?

Я попыталась натянуть привычную маску веселья, но мышцы лица слушались плохо. Вышло что-то среднее между оскалом и улыбкой. — Плоховато мне просто... Но пока теплая. — Это хорошо, — кивнул он совершенно серьезно, без тени насмешки. В его голосе прозвучало искреннее облегчение.

Он поставил свободный стул рядом со своим, пододвинул его ближе ко мне и сел. Прежде чем я успела отстраниться или возмутиться нарушением личных границ, его прохладная ладонь легла мне на лоб:

— Ну да, вроде живая. Температуры нет, — констатировал он тоном врача.

От этого простого, почти братского жеста внутри что-то дрогнуло. Не бабочки, нет. Просто стало чуть менее одиноко в этом огромном кабинете.

К нам тут же подсел Миша. И вот, уже втроем, мы сидели тесной кучкой в конце класса. ГУП. Наша «Группа Уважительных Причин». Так мы называли себя, когда из-за бесконечных выступлений переставали попадать на уроки. Название, конечно же, придумал Семён, и оно намертво приклеилось к театру, став нашим внутренним кодом. Даже чат в мессенджере назывался именно так — официально и смешно одновременно.

— Четвертый «Б», все видят скороговорку на доске? — Людмила Алексеевна взмахнула указкой, привлекая внима-

ние притихших малышей.

Мы с ребятами повернули головы к интерактивной панели. Там светились слова: «На мели мы лениво налима ловили, меняли налима вы мне на линия?». Эту же самую скороговорку мы использовали в театре как вокальную разминку перед репетициями, чтобы разогреть связки.

— Ну что, устроим соревнование поколений? — предложила учительница, хитро прищурившись. Её глаза сверкнули азартом. — Сначала пропоют младшие, потом старшие. Посмотрим, чей хор звучит стройнее. Иванкова, бери своих кавалеров за шкирку и выходите вперед.

Четвероклашки сначала растерянно переглядывались, но под ободряющим взглядом Людмилы загалдели. Они встали неровным полукругом у доски. Когда они запели хором, это прозвучало... ожидаемо. Кто-то торопился, глотая окончания, кто-то тянул ноту так высоко, что она переходила в ультразвук. Малыши старались изо всех сил, высовывая языки от усердия.

— Стоп! — скомандовала Людмила Алексеевна, когда звон детских голосов окончательно рассыпался диссонансом. — Спасибо, молодцы. Вы стараетесь, а это главное. Садитесь.

Дети начали рассаживаться по местам, продолжая шептать текст себе под нос, пытаясь запомнить ритм.

Теперь была наша очередь. Мы вышли к доске. Семён встал ровно посередине, расправив плечи. Миша тут же на-

чал кривляться, строя рожи воображаемой публике. Я заняла место справа от Семёна. От его близости — запаха морозного воздуха, который еще не успел выветриться из куртки, и едва уловимого аромата мужского шампуня — голова закружилась чуть сильнее, но уже по-другому.

Людмила Алексеевна дала вступление:

— Готовы? Три-четыре!

И мы грянули. Семён задавал тон своим глубоким, поставленным баритоном. Он пел не просто четко — он играл со словами, превращая детскую считалку в настоящий джазовый стандарт. Голос Миши, высокий и чистый, идеально вплетался вторым голосом сверху. А я вела основную мелодию, чувствуя, как вибрирует воздух между нами.

Это было совсем другое звучание. Мы чувствовали друг друга спиной, дышали в одном ритме. Наша артикуляция была синхронной до миллисекунды. Когда фраза закончилась, повисла идеальная, звенящая тишина, которую нарушило только одобрительное цоканье языка учительницы.

— Без шансов, четвертый «Б», — улыбнулась Людмила Алексеевна, глядя на обалдевших четвероклашек. Те смотрели на нас так, будто мы только что достали кролика из пустой шляпы. — Профессиональный уровень. Молодцы!

Тут Семён шепнул мне на ухо, щекоча дыханием:

— На счёт три делаем поклон. Раз, два, три!

Мы синхронно перегнулись в поясе, комично прижимая руку к сердцу, будто только что выступили в Большом теат-

ре с главной партией в опере. Четвероклашки захихикали, а Людмила Алексеевна сдержанно улыбнулась.

Вернувшись за свои места, мы услышали новое задание:

— Ребята, встаем по парам на вальс! Вспоминаем движения, которые учили.

Дети оживились, зашуршали стульями. Всего образовалось десять пар. Мальчики неловко выстроились в одну колонну, девочки — в другую, смущенно хихикая и поправляя банты.

Пока класс гудел, перестраиваясь, учительница повернулась к нам:

— Семен, Миша. У малышей сейчас сложный элемент, вы будете мешать под ногами. Идите пока в соседний кабинет, спортивный. Если там никого нет, распевайтесь. Заучите текст хорошенько.

Мы вышли в коридор. Повернув направо, мы толкнули тяжелую дверь. Небольшой спортзал для начальных классов встретил нас звенящей тишиной и гулким эхом. Две стены здесь были полностью зеркальными, отражая наши бледные фигуры.

— Вы хоть знаете, как песня называется? — спросил Миша, плюхаясь на гимнастическую скамейку и доставая телефон.

— «Песня остается с человеком», — ответил Семён, подходя к зеркалу и критично осматривая свой воротник. Он выглядел собранным даже здесь, посреди пустого спортзала.

— Ага-а, — протянул Миша, быстро печатая. — Нашел минус. Ну что, маэстро, командуйте.

Семён обернулся ко мне. В гулкой тишине его шаги казались слишком громкими. Он остановился напротив, чуть склонив голову набок.

— Лера, ты себя как чувствуешь?

Я моргнула, решив, что мне послышалось, но он смотрел прямо на меня, ожидая ответа. Искренне.

— Так себе, — я пожала плечами и неопределенно pokrутила кистью руки в воздухе, пытаясь передать всю степень своей разбитости без лишней драмы.

— Пение лечит всё, — уверенно заявил он. — Особенно плохое настроение. Поэтому давай, веселимся. От тебя зависит гармония нашего трио.

Он ободряюще улыбнулся уголком губ и подмигнул. В ответ внутри грудной клетки разлилось неожиданное тепло. Не жар болезни, а мягкий, согревающий свет. Этот парень умел переключать реальности одним щелчком пальцев: секунду назад я умирала, а теперь чувствую себя почти нормальной. Я кивнула и отвела взгляд, делая вид, что ищу глазами распечатку текста, чтобы скрыть предательский румянец.

Мы прогнали песню трижды. Сначала неуверенно, прислушиваясь друг к другу. Потом смелее. С каждым разом она звучала всё лучше и чище. Голоса сплетались в удивительную ткань. Семён пел басовую партию — низко, бархатно, отчего вибрировал пол под ногами. Миша вел дискант где-

то высоко, звонко, словно колокольчик. А я снова вела основную мелодию, стараясь держать её ровно, не дать голосу дрогнуть.

Получалось очень красиво. Настолько, что под конец третьего прогона, когда мы взяли финальный аккорд и повисла идеальная пауза, у меня по спине пробежали настоящие мурашки. Это было физическое ощущение восторга — кожа покрылась мелкими пупырышками. Зеркальные стены множили наше отражение, создавая иллюзию огромного хора.

Даже голова, кажется, стала болеть тише. Или мне просто отчаянно хотелось верить, что его метод работает.

Глава 5

Пульсирующая тишина

Дверь распахнулась так резко, что в кабинет ворвался поток холодного коридорного воздуха. На пороге появилась учительница физкультуры — женщина с военной выправкой, которая сегодня тоже играла Бабу-Ягу в сценке на елке.

— Миша, Семен, бегом переодеваться. Нам еще вас загроимировать надо, а времени в обрез.

— В библиотеку идти? — с ощутимым недовольством протянул Семён. Ему явно не хотелось покидать теплую компанию ради костюмерной.

— Ну, можешь в коридоре посидеть, — отрезала физрук и, махнув мальчикам рукой, ушла по коридору.

Я еще раз беззвучно пропела припев песни, проверяя дыхание, и вернулась в кабинет музыки.

— А где еще двое? — спросила меня Людмила Алексеевна, как только я закрыла дверь за собой, пытаясь перекрыть гомон четвертого класса.

— Они детей пугать ушли, — ответила я, выдавив улыбку из вежливости.

Преподавательница ухмыльнулась и тут же подколола меня в ответ:

— А ты чего осталась?

Смешок вырвался сам собой, но прозвучал хрипло. В кар-

мане джинсов завибрировал телефон. Это была мама:

— *Лера, я в школе. Пришла на елку к Матвею. Принесла тебе таблетку и воду. Иди ко мне. Я у входа.*

— *Иду.*

— Людмила Алексеевна, там мама пришла. Я пойду на минутку, посмотрю на наших, — она кивнула.

Я вышла из кабинета и пошла быстрым шагом ко входу, стараясь ступать мягче, чтобы голова меньше дергалась. Но как только я начала подходить к турникетам, боль пронзила левый висок. Она была настолько острой, раскалывающей, будто кто-то вкручивал шуруп прямо в кость, что перед глазами всё поплыло. Меня повело в сторону. Я остановилась и тяжело облокотилась о холодную стену, пытаюсь переждать приступ.

Тут из кармана штанов снова раздался звук уведомления. Звонила мама. Я сбросила вызов — говорить сейчас было выше моих сил — и, пошатываясь, подошла к турникету.

— Мне сколько еще надо будет ждать? — строго начала мама, выглядывая из-за колонны гардероба, но осеклась. — Лера, ты что такая бледная?! — она шагнула ко мне и схватила мои ладони своими. — Да еще и ледяная вся! Марш домой немедленно. Какое выступление?

— Мам, я не могу, — слова давались с трудом, язык казался ватным. — Мне обязательно нужно быть. Всего один раз провести эту «Песню Года». Я в микрофон тексты объявляю, номера связываю. Если я уйду, всё развалится.

Мама шумно выдохнула, признавая поражение перед моим фанатизмом:

— На таблетку. Выпей и пошли со мной в актовый зал, пока ты в обморок не грохнулась, — она достала из сумки блистер ибупрофена и бутылку воды.

Таблетка оказалась невероятно горькой, ком желчи мгновенно подкатился к горлу. Я закинула её в рот и запила водой, едва сдерживая рвотный позыв. Залпом выпила почти всю бутылку и скривила лицо.

— Ты чего кривишься? — нахмурилась мама.

— Таблетка горькая очень, — прохрипела я, отдавая ей полупустую бутылку.

— Ну а ты что хотела? Это лекарство, а не конфетки.

Мама спрятала бутылку в свою черную суму, взяла меня под локоть, и мы поднялись на второй этаж в актовый зал. Там оказалось достаточно тепло, пахло хвоей и разогретой электроникой. Я села на третий ряд, подальше от сцены, надеясь слиться с темнотой.

Телефон снова издал звук. Сообщение от Миши. Он прислал видео-кружок. Десятиклассник сидел с нарисованными углем усами, в тельняшке, наброшенной поверх красной атласной жилетке и нелепой новогодней шапке.

— А я на вас глядеть буду, — написала я и записала ответный кружок, наводя камеру на нарядных детей, которые уже выстраивались вокруг высокой ели.

Статус Миши внизу экрана сменился на «записывает ви-

деосообщение». Через пару секунд в чат прилетел еще один файл. Но в нем был уже не он. Загримированный Семён смотрел прямо в камеру телефона:

— Только попробуй... — пробасил он низким голосом Деда Мороза, грозя пальцем.

Следующее сообщение было голосовым. Тот же бас, но теперь полный театрального возмущения:

— Я тебя в сосульку превращу.

Я отправила уйму смеющихся смайликов и добавила текст:

— Ну попробуй.

Настроение немного приподнялось. Праздник начался. Я снимала Мишу в образе Бармалея, пока он читал свой рэп, даже успела переключить камеру на сцену и запечатлеть, как Семёновский Дед Мороз поет дуэтом со Снегурочкой.

А потом мир перевернулся. Резко, без предупреждения. Руки ослабли и затряслись мелкой дрожью, тошнота горячей волной ударила в носоглотку. Свет ярких софитов начал меркнуть, сужаясь в маленькую черную точку. Я вскочила со стула, задев чьи-то колени, и выбежала из душного зала, расталкивая родителей в проходе.

У самого выхода, на ступеньках лестницы, стоял Миша.

— Ты куда? Репертуар не понравился?

— Мне еще хуже стало, — еле выдавила из себя я, хватаясь за перила.

Он наконец заметил мою зеленоватую бледность. Миша

быстро спустился и подставил мне плечо.

— Так, ясно. Экстренная эвакуация. Обопрись.

В туалете ничего не произошло. Меня не стошнило. Я просто зашла в кабинку, заперлась на щеколду и сползла по кафельной стене на корточки, обхватив голову руками. Трясло так, что зуб попадал на зуб. Обратно в ад актового зала я не пошла. Ноги сами принесли меня в наш кабинет музыки. Я рухнула на стул в конце класса, подтянув колени к груди, и уставилась в одну точку на парте.

Людмила Алексеевна, заглянувшая проверить ключи на столе, замерла на пороге, увидев картину: мертвенно-бледная я в полумраке пустого класса.

— Так, понятно. Я пошла за мамой, — бросила она и вышла из кабинета чуть ли не бегом.

Достав дрожащими пальцами телефон, я открыла мессенджер. Три пропущенных от мамы и новое сообщение:

— *Лера, ты куда убежала?*

Пальцы всё еще тряслись, экран двоился. Собраться с силами было непросто. Медленно, промахиваясь мимо букв, я набрала короткое сообщение:

— *Плохо мне. Я в 34.*

Тридцать четвертый кабинет был как раз кабинетом музыки — моим временным укрытием. Ко мне подошла Кира. Она склонилась надо мной, и её черные локоны тяжелой волной легли мне на плечи:

— Лер, не раскисай, всё хорошо будет. Ты таблетки пила

какие-нибудь?

Я осторожно кивнула, боясь резким движением спровоцировать новый приступ тошноты.

— Странно, что еще не полегчало... — задумчиво протянула она.

В этот момент телефон Киры взорвался оглушительным рингтоном. Звук ударил по барабанным перепонкам так сильно, что в левом виске словно взорвалась граната. Мне пришлось до боли зажать уши ладонями, лишь бы как-нибудь заглушить этот невыносимый визг.

— Прости! — испуганно сказала Кира, поджав губы, и тут же выбежала из кабинета, унося источник шума с собой.

Я проводила её мутным взглядом, и тут из прохода показалась мамина голова, заглядывающая в класс.

— Да там она сидит, там, — это была уже Людмила Алексеевна. Они обе подошли ко мне и склонили головы набок, рассматривая меня, как редкий экспонат.

— И часто у неё такое? — тихо поинтересовалась преподавательница.

— Относительно, — голос мамы звучал отстраненно. — У нее же мигрень поставлена, вот её проявление, только с приступом рвоты.

— Да, про мигрень наслышана...

Мама кинула на меня недопонимающий взгляд и отошла в сторону с учительницей для частного разговора. Я не смогла разобрать слова — они сливались в неразличимое

жужение за моей спиной. Я просто смотрела в окно на серый снег и сдерживала тошноту, подступавшую к горлу плотным комком.

Мне было по-настоящему холодно. Все тело ломило, как при температуре 37.4, но градусника не было — эту лихорадку нельзя было измерить ртутью. Руки были всё ещё ватными, чужими. Даже обхватывать колени было сложно: предплечья то и дело соскальзывали вниз по ткани джинсов, будто к ладоням привязали тяжелые гири. Мышцы отказывались держать вес собственных конечностей. До выступления оставалось полтора часа. Я не знала, как выходить на сцену. Сейчас, если я попытаюсь встать со стула, ноги просто подкосятся. Я сложусь пополам прямо здесь, на паркете.

Я перевела стеклянный взгляд на Людмилу Алексеевну, разговаривающую с моей мамой. В этот же момент она посмотрела на меня и натянула улыбку, обнажив зубы. За этой дежурной маской скрывалось искреннее переживание — оно читалось в морщинках вокруг глаз.

Мама вышла из кабинета через минуту, даже не посмотрев в мою сторону, словно вынесла окончательный вердикт. Учительница сразу подошла и присела передо мной на корточки, оказываясь ниже уровня моего взгляда. Это почему-то пугало.

— Тебе, может, лечь где-нибудь? — предложила она мягко.

За спиной Людмилы Алексеевны выросла фигура Киры:

— Так пусть она в спортзал идет. Тот, что за стеной. Мы ей мат постелим, она отдохнет. Я так все время на тренировках делаю, когда мышцы забиваются.

От этого глупого, здорового предложения меня перекосило. Спортзал? Мат? Мне казалось, что если я сейчас пошелюсь, мои кости рассыплются в пыль.

— Кира, не смейся меня, — выдавила я сквозь силу. — Какой мат? Мне и тут нормально.

Кира только пожала плечами:

— Ну как хочешь, я просто предложила.

Людмила Алексеевна положила свою теплую руку поверх моих ледяных пальцев.

— Тихо сиди. Я никуда тебя не гоню. Если станет хуже — скажешь. Хорошо?

— Хорошо, — почти беззвучно прошептала я.

Кира с Людмилой Алексеевной отошли к учительскому столу, о чем-то тихо переговариваясь. Их голоса снова превратились в фоновый гул. Я осталась одна. Снова посмотрела в окно на серую муть декабрьского дня, облокотила затылок о прохладную заднюю стенку стоящего позади шкафа и закрыла глаза.

Из темноты передо мной всплыл образ Миши. Десятиклассник стоит вполоборота, упершись коленом в скамейку, и фотографирует нас с Семеном на свой телефон во время битвы за кусок сценария. Вспышка бьет по глазам. Наш смех был приглушен акустикой коридора, а все остальные звуки

вовсе отсутствовали.

Воспоминание плавно сменилось другим. На одном из выступлений с театром весь наш состав сидит в небольшом зрительском зале и ждет своего номера. Душный свет софитов давит на плечи. Я легла щекой на плечо своей подруги, а Семен снимает это на видео-кружок и отправляет его в нашу группу театра в мессенджере.

Снова смена кадра. Семён машет мне рукой с другого конца раздевалки. На нем еще нет костюма Деда Мороза, он просто одет в джинсы и свитер. Он кричит через весь коридор:

— Лерка, приве-е-ет!

От этого звука внутри разливается привычное тепло. Я чувствую, как губы сами собой расплзаются в широкой улыбке, и изо всех сил машу ему в ответ, чувствуя себя живой.

Следующий флешбек. Миша читает рэп на сцене в образе Бармалея. Его наклеенные из фетра усы начинают отваливаться. Я сижу на третьем ряду, хрипло смеюсь и снимаю это на камеру старенького телефона.

Очередной эпизод. Семен-Дед Мороз ходит вокруг елки. На нем тяжелая красная шуба, от которой идет пар, борода съехала набок. Он поет новогоднюю песню про пять минут, но почему-то басит строчки слишком низко, комично. Искренне улыбаясь из-под ватных бровей, я также делаю видеозапись. В объективе моего телефона его фигура кажется

огромной, закрывающей весь мир.

Вдруг я услышала непонятный диалог, который совсем не подходил к этому воспоминанию. Голоса звучали глухо, словно в воде:

— Лер, просыпайся. Ты выступление проспала.

— Семен, не пугай девочку! — это был строгий шепот Людмилы Алексеевны.

Я с трудом разлепила веки. Ресницы были тяжелыми, будто склеенными засохшим клеем. Перед глазами все плыло, но постепенно фокус настроился. Прямо передо мной на корточках сидела Семен. Его лицо было так близко, что я видела каждую крупинку блесток на его щеках (он так и не смыл грим Деда Мороза). За его спиной маячили фигуры всех остальных выступающих.

— Да ладно, я же шучу, — Семен повернул голову обратно ко мне. — О, очухалась. Я уже думал за ведром холодной воды идти или нашатырь искать.

Он мило улыбнулся — той самой своей открытой улыбкой, которая всегда заставляла меня забывать от боли, — хлопал меня по плечу встал, возвращаясь к ребятам.

— Ну что, ты как? — Людмила Алексеевна присела обратно на корточки. Она смотрела на меня взглядом, полным надежды и скрытого отчаяния. От нее пахло валерьянкой и старыми духами.

На удивление, мне стало намного лучше. То ли сон перезагрузил организм, то ли таблетки наконец-то начали дей-

ствовать правильно. Тошнота отступила куда-то глубоко вниз, оставив лишь фантомное послевкусие. Сознание прояснилось.

— Мне лучше. Намного, — голос прозвучал чужим, хриплым карканьем. Я попыталась откашляться. — Я долго спала?

— Примерно час. Мы уже думали отменять «Песню года» и объявлять форс-мажор, — она нервно теребила край своего темно-зеленого пиджака. — Твое платье Кира уже унесла за кулисы, мы тебе сладкий чай сделали. Попей обязательно, сахар сейчас нужен.

Людмила Алексеевна протянула мне белую фарфоровую чашку. Стенки были горячими, но терпимо. Внутри плескался черный чай. Горло совсем пересохло. Я сделала огромный глоток. Чай оказался безумно вкусным — приторно-сладким, обжигающим, возвращающим жизнь.

— Спасибо, — прошептала я, делая второй глоток.

— Пей-пей, — кивнула учительница. — Через двадцать минут открытие. Лицо сможешь нарисовать? У нас там тональник есть, замажем бледность.

Я подняла взгляд. Ребята стояли над мной полукругом. Миша ободряюще показал большой палец. Кирины голубые глаза смотрели внимательно, с надеждой на лучшее. Даже физрук стояла в дверях, сложив руки на груди, и выглядела менее грозной. Они все ждали. Ждали *меня*.

— Смогу, — твердо сказала я и поставила пустую чашку

на подоконник. Чай согрел желудок, и дрожь в руках почти прошла. — Давайте сюда сценарий. Что там оп порядку номеров?

Людмила Алексеевна выдохнула так шумно, будто до этого момента вообще не дышала.

— Что бы мы без тебя делали! Значит, план такой: сейчас быстро умываешься холодной водой, чтобы щеки натурально порозовели и бодрость вернулась. Кира поможет тебе, если нужно. Текст песни помнишь?

Я кивнула. Флешбеки окончательно растворились. Впереди была только сцена, свет софитов и гул заполненного зала.

— Помню, — ответила я, вставая со стула. Ноги держали. Немного шатало, но земля больше не уходила из-под ног. — Ведите меня к воде, пока я снова не отключилась прямо тут.

Глава 6

Главный иллюзионист

Весь лихорадочный план Людмилы Алексеевны был выполнен: ледяная вода в лицо, сладкий чай приторной липкой ложкой и спешное скрытие моей зеленоватой бледности за слоем плотного театрального румянца. Сейчас на мне была наша обычная «рабочая» форма: черные широкие штаны, не стесняющие движений, салатная футболка и черная кофта на змейке, которую я застегнула под самое горло, пытаюсь удержать остатки тепла.

И вот я уже стояла за пыльным бархатным занавесом, отделяющим закулисы от сцены. Тяжелый, пыльный запах кулис всегда действовал на меня одинаково — как сигнал к бою. Торжественные фанфары гулко разносились по пустому залу, смешиваясь с монотонным голосом ведущего, просящим выключить звук на мобильных телефонах. До нашего выхода оставались считанные секунды.

Мы с Кирой высчитали тайминг как саперы перед обезвреживанием бомбы. После какого объявления нам нужно незаметно скользнуть в темную каморку в задней стене сцены — нашу импровизированную гримерку, — чтобы скинуть эту повседневную одежду и успеть натянуть вечерние сценические платья для финальной песни. Если мы замеш-

каемся хоть на полминуты, финал «Песни Года» начнется без главных героинь.

— Дыши, — одними губами сказала Кира, сжимая мое предплечье. Ее пальцы были холодными, но это прикосновение заземляло.

Наша музыка грянула резко, без предупреждения. Низкие басы пробили грудную клетку вибрацией, которая прошла сквозь деревянный настил прямо в подошвы кроссовок. Я крепче перехватила микрофон в правой руке, чувствуя, как гладкий металл чуть влажный от пота, и сделала первый шаг из тени кулис под слепящий свет софитов.

Свет ударил по глазам, выжигая все лишнее: страх, тошноту, мысли о таблетках внизу живота. В этом свете нет места слабости. Есть только ты, сцена и сотни лиц в темноте зала. Я невольно улыбнулась — искренне, потому что это было то место, где я имею право существовать — и начала петь.

Первый номер пролетел как один миг. Время здесь текло иначе: оно сжималось в тугую пружину. Зал взорвался аплодисментами — плотной звуковой волной, которая ударила по ушам так сильно, что на секунду заложило слух, а в голове зазвенело. Я даже не заметила, как очутилась за кулисами, тяжело дыша и опираясь руками о старое фортепиано, на котором лежал мятый сценарий. Пальцы все еще мелко дрожали.

После активного танца появилась приятная, звенящая легкость в теле. Мышцы приятно гудели, разогретые нагруз-

кой, а голова стала прозрачной, словно кто-то протер запотевшее стекло. Боль отступила, спряталась где-то глубоко в затылке, боясь показаться на глаза этому адреналиновому огню. Наверно, Семен был прав насчет пения, а Людмила Алексеевна — насчет сцены. Адреналин действительно работает лучше любых таблеток. По крайней мере, первые полчаса.

Весь концерт пролетел на одном дыхании, превратившись в череду вспышек. Нам пришлось очень много импровизировать: кто-то забыл слова или перепутал их порядок, Миша едва не уронил стойку микрофона, задев ее проводом. Но мы справились с этим на «ура», прикрывая друг друга спинами. Театр работал как единый организм.

Особенно блистал Семен. Даже в обычных черных брюках и своей черной водолазке, без костюмов и грима, он выглядел так, будто родился на этой сцене. Он шутил там, где должен был, сглаживал неловкие паузы своими комментариями, которые понимал весь зал, и смотрел в темноту партера с такой уверенностью, что хотелось верить каждому его слову. Рядом с ним стоял Миша, который тоже держался потрясающе для десятиклассника, подхватывая реплики Семена и добавляя свою фирменную дерзкую энергию. Их уверенность передавалась всем нам, заряжая внутреннюю батарейку.

Когда ведущий объявил последний номер перед сменой состава, я почувствовала легкий толчок в спину.

— Наш выход через два, — прошептала Кира, уже стяги-

вая через голову свое домашнее худи. — Платье готово?

Я кивнула, хотя руки предательски дрогнули снова, на этот раз не от волнения, а от банального истощения. Вечер подходил к концу, а значит, защита из света и шума скоро исчезнет.

После окончания концерта на волне эйфории всем основным составом — я, Семен, Миша и Кира — вернулись в кабинет музыки. В гримерке было шумно: все сбрасывали напряжение после выступления.

Уже подходя ко входу в класс, я заметила женский силуэт у окна. Спиной к нам стояла женщина в возрасте. На ней было изумрудного цвета платье из плотной ткани, которое идеально облегалo фигуру, подчеркивая талию и бедра. Короткая стрижка «каре» с идеальной укладкой выдавала даму старой закалки, которая следит за собой. И тут меня словно током ударило: — Бабушка?

Я искренне удивилась. Мы не договаривались о встрече сегодня, да и вообще она редко выбиралась куда-то по вечерам без особого повода.

— О, Лерок! — она обернулась, и её лицо расплылось в улыбке. — Я как раз тебя жду. Еле нашла ваш актовый зал в этих школьных катакомбах. Как самочувствие? — бабушка Маша всегда была только на позитиве, и даже сейчас, после моего провального утра, тон оставался таким же оптимистичным, будто ничего не случилось.

Я подошла к ней и крепко обняла, уткнувшись носом в

знакомую ткань платья. От неё пахло духами и чем-то уютным, домашним.

— Всё хорошо, бабуль. Стало лучше.

— Я рада. Глаза уже не стеклянные, — она отстранилась, внимательно осматривая моё лицо профессиональным взглядом медсестры. — Так, ну знакомь меня со своими друзьями, — она обвела всех стоящих сзади взглядом, в котором всегда присутствовала озорная искорка.

Я начала показывать на каждого рукой, озвучивая имя и давая свою краткую характеристику:

— Это Кира — наша прекрасная балетница и гроза всех лентяев. Это Миша — один из главных наших певцов и просто хороший человек.

Тут настала очередь Семена. В моих глазах сверкнуло озорство, а губы сами растянулись в ухмылке.

— А это Семен. Бессовестный манипулятор, но поет лучше всех, зараза.

Бабушка засмеялась своим мелодичным смехом, запрокинув голову:

— Семен, если тебя тут буллят, и ты являешься грушей для битья, моргни два раза. SOS-сигнал.

Семён театрально схватился за сердце, а потом начал очень быстро закрывать и открывать глаза, изображая азбуку Морзе. Я пихнула его локтем в бок.

— Лерка, КамАЗ уже в пути, тормози, — фыркнул он, потирая бок.

Я лишь улыбнулась и махнула на него рукой, чувствуя, как внутри всё наполняется теплом.

— Лер, ну ты на следующее выступление меня-то хоть зови, — попыталась сделать строгое лицо бабушка, уперев руки в бока. — Если что, я тоже могу выйти на сцену, вот так!

Она отпустила мою руку, взяла меня под ладонь, и мы начали выполнять какие-то хаотичные, смешные танцевальные движения из её молодости. Я рассмеялась, запрокидывая голову, а тем временем она ловко вывернулась и подошла уже к Мише и Семену, хватая их за руки и заставляя кружиться вместе с ней.

Мы с Кирой чуть ли не валялись по полу от смеха, держась за животы. Даже вечно серьёзный Миша хохотал в голос, пытаясь отбиваться от бабушкиного напора. Семен веселился громче всех, пародируя балетные па.

— Ой, всё, ребята, хватит, — бабушка отошла в сторону, тяжело дыша, но счастливо улыбаясь. Она приложила руку к груди, словно пытаясь успокоить сердцебиение. — Не в том я уже возрасте, чтобы джагу-джагу танцевать перед молодёжью. Заряд энергии получила отменный! Она поправила идеальную укладку каре перед зеркалом. — Так, мне пора бежать, а то Анастасия Павловна заждалась. Мы с ней договорились созвониться и обсудить твоё самочувствие после каникул, пока она не ушла домой на праздники.

— Ты пошла говорить с классной? Серьезно? — удивилась я.

— А что такого? Должна же я знать, кто мучает моего любимого ребенка, — подмигнула она. — Всё, бегу. Подождешь меня?

— Конечно.

Мы проводили её до лестницы. Когда звук её шагов затих внизу, Кира присвистнула:

— Вот это женщина. У меня бы язык не повернулся так подойти к историчке.

— Это моя бабушка. Ее почти весь город знает, — гордо сказала я, чувствуя, как усталость после концерта отступает куда-то на второй план.

В кабинете музыки было тихо и немного пыльно в свете дежурной лампы. Мы сгрудились вокруг старого пианино, разбирая сумки.

— Ну что, банда ГУП, гастроли окончены? — спросил Миша, падая на деревянный стул. Стул жалобно скрипнул под его весом. — Можно расходиться?

— Сейчас, секунду, — ответила я, оглядывая кабинет в поисках широкого шарфа, который скинула перед переодеванием.

Взгляд зацепился за верхнюю полку огромного дубового шкафа в углу, где мы хранили весь театральный реквизит. Там, среди сваленных в кучу нотных тетрадей и старых альбомов, лежала она. Большая, абсолютно черная фетровая шляпа с мягкими, слегка обвисшими полями.

Мои глаза загорелись тем самым озорным блеском, кото-

рый так хорошо знал Семен.

— О, смотрите-ка, — протянула я медленно, делая шаг к шкафу. — Какая одинокая вещь...

Семен, который в этот момент завязывал шнурки, замер. Его инстинкты хищника сработали мгновенно. Он поднял голову, проследил за моим взглядом и тут же напрягся.

— Лапы прочь от головного убора, Иванкова, — процедил он, выпрямляясь. — Шляпа неприкосновенна. Я первый ее увидел еще на прошлой неделе, когда декорации носили.

— Ой, и что же теперь? — я подошла ближе. Полка была высоко, прямо над моей головой. Пришлось встать на цыпочки, потянувшись пальцами к фетру.

Это была роковая ошибка. В следующий миг огромная ладонь Семена опустилась мне чуть ниже пояса и без особых усилий подняла меня в воздух, переставляя в сторону, как шахматную фигуру.

— Сказано нельзя, значит нельзя, — ухмыльнулся он, вставая между мной и шкафом.

Но он недооценил мою решимость (или степень моей вредности). Пока он торжествующе поворачивался ко мне спиной, уверенный, что обезвредил угрозу, я сделала резкий выпад сбоку, нырнув ему под свободную руку. Мои пальцы сомкнулись на жестком крае полей. Я рывком стащила шляпу с полки.

— Есть контакт! — крикнула я и, прежде чем он успел развернуться, нахлобучила огромную шляпу себе на голову.

Поля сползли на самые брови, закрыв половину лица.

Раздался тяжелый вздох. Семен развернулся так резко, что воздушная волна пошевелила волосы у меня на лбу.

— Отдай по-хорошему, — его голос стал низким, почти басом. Но теперь это звучало не угрожающе, а азартно.

— И не подумаю, — заявила я из-под фетра, стараясь придать голосу максимальную серьезность, хотя внутри всё дрожало от смеха.

Он не стал церемониться. Одним широким шагом он сократил расстояние между нами. Я даже не успела среагировать, как его пальцы зарылись в мои волосы под шляпой, крепко обхватывая затылок, и мягко, но настойчиво сняли трофей с моей головы.

Шляпа оказалась у него. Он прижал её к груди обеими руками, тяжело дыша, и посмотрел на меня сверху вниз с видом победителя.

— Смирись, Лерка, — выдохнул он, победно усмехаясь.

Я разочарованно фыркнула, уперев руки в бока. Поля шляпы закрывали ему глаза, отчего он выглядел одновременно грозно и комично.

— Ты невыносим.

— Зато шляпа теперь в безопасности, — парировал он, пытаясь поправить её на своей голове, но поля всё равно предательски сползали на нос. — Видишь? Мне она идет больше.

Я подошла к нему сзади и резко дернула шляпу на себя.

Но тут прямо перед моим носом оказался кроссовок Семена. Он попытался достать меня ногой, но я ловко увернулась. Семен обернулся и обхватил меня двумя руками.

Миша и Кира, которые благоразумно ретировались к двери, наблюдая за нами, снова прыснули со смеху.

— Вы там не поубивайте друг друга, — сквозь смех выдавил Миша. — Если что, я скажу полиции, что вы сами начали дележ имущества.

— Помогите-е-е! — драматично простонала я, когда Семен приподнял меня над полом вместе со шляпой, лишая точки опоры.

— Лерка, отпусти шляпу! — прорычал он, но дыхание его уже сбилось от смеха и борьбы.

В какой-то момент мы потеряли равновесие и с грохотом рухнули на пол, чуть задев шкаф. Шляпа оказалась прижата между нашими телами. Мы лежали неподвижно несколько секунд, тяжело дыша, прежде чем Семен фыркнул мне прямо в макушку:

— Ненормальная. Она тебе даже не идет.

Я выбралась из-под него, села сверху и победоносно надела огромную шляпу себе на голову. Поля сползли мне на самые брови, закрыв половину лица.

— Идет. Теперь я здесь главный иллюзионист, — заявила я глухим голосом из-под фетра. — Видишь, исчезновение Леры Иванковой прошло успешно.

Семен снизу вверх посмотрел на меня, прищурился и

вдруг рассмеялся — громко, искренне, запрокинув голову. Звук эхом отразился от стен пустой школы. Это был не тот смех, для сцены, а настоящий, живой.

Его веселье оказалось заразительным. Из моей груди вырвался сначала тихий смешок, потом еще один, пока я тоже не начала хохотать, уткнувшись лбом ему в плечо. Мы смеялись над абсурдностью ситуации: пятница, пустой кабинет музыки, два подростка катаются по пыльному полу из-за старой шляпы.

— Слезай, раздавишь, — наконец выдохнул он, пытаюсь мягко сдвинуть меня бедром. Его голос все еще вибрировал от смеха.

— Не слезу, — пробубнила я, не поднимая головы. — Мне тут удобно.

— Ты тяжелее, чем кажешься, Иванкова.

— Это все грозный вид от шляпы. Он добавляет веса.

Он снова фыркнул, но вместо того чтобы скинуть меня, просто положил руки мне на талию и попытался приподнять меня. От прикосновения его прохладных пальцев к разгоряченной коже по телу побежали мурашки.

— Раздавишь реквизит, директор оштрафует, — усмехнулся он, слегка сжимая пальцы.

— Тогда плати компенсацию за моральный ущерб, — парировала я, наконец приподнимая голову. Поля шляпы съехали набок, и мир перекосялся.

Семен привстал и усадил меня спиной к шкафу.

Он смотрел на меня снизу вверх, его лицо казалось совсем другим — серьезным и очень близким. Смех медленно угасал сам собой, оставляя после себя странную, звенящую неловкость. Сердце пропустило удар и забилося где-то в горле.

Чтобы скрыть внезапное смущение, я резко скатилась с него обратно на маты, возвращая шляпу ему.

— Ладно, великий магистр иллюзий, владей, — сказала я чуть громче, чем следовало, пряча внезапно охрипший голос. — Заслужил.

Семен сел ко мне плечом к плечу, потирая затылок, которым приложился об пол, и водрузил шляпу на свою голову. Она сидела на нем комично, почти закрывая уши.

— Идеально, — заявил он, подражая голосу какого-то аристократа. — Пойду завтра в ней на химию. Пусть химичка порадуетса.

Я вытянула ноги вперед, наблюдая за ним.

— У тебя дома родители офигеют, если ты явишься в таком виде, — хихикнула я, чувствуя, как начинает заплетаться язык.

— А я скажу, что репетировал роль Копперфильда. И исчезну прямо из коридора.

— Главное, чтобы штаны остались... Иллюзионист без штанов — это перебор...

Сил смеяться уже не было, получился лишь тихий, сиплый выдох. Голова Семена в огромной черной шляпе поплы-

ла перед глазами.

— Эй, — донесся его голос. Он ткнул меня пальцем в лоб.
— Чудо в перьях. Ты вообще как? По-моему, у тебя бензин кончился.

Я подняла на него взгляд. Выглядела я наверняка ужасно. бледная, с синяками под глазами, которые не смог скрыть даже сценический макияж. — Батарейка села, — честно призналась я. — Совсем.

Он снял шляпу и задумчиво повертел её в руках.

— Так, ладно. Давай вставай, доходяга. Провожу тебя до выхода. Тебе же еще бабушку ждать.

— Ага. Только дай мне две минуты. Я просто посижу, — прошептала я, чувствуя, как начинает кружиться голова, стоит только поднять взгляд выше его плеча.

Глава 7

"Не разбивай мне сердце"

Бабушку я ждала достаточно долго. Я стояла на крыльце школы, ежась от ночного ветра, и потирала ладони друг о друга — не столько от холода, сколько пытаюсь унять мелкую дрожь в пальцах. Адреналин, тащивший меня весь вечер на своих плечах, окончательно схлынул, оставив после себя звенящую пустоту и свинцовую тяжесть в ногах.

Наконец скрипнула тяжела металлическая дверь, и показалась бабушка Маша. Она шла быстро, цокая каблучками по замерзшему асфальту, и издали помахала мне рукой.

— Заждалась? Прости, Анастасия Павловна оказалась очень дотошной женщиной. Хвалила тебя, кстати. Говорит, характер сильный, если через такое прошла и всё равно на сцену вышла.

Я просто кивнула, забирая инициативу. Мы пошли привычным маршрутом: мимо школьной ограды, вдоль спящих пятиэтажек, через знакомый темный сквер.

Некоторое время мы молчали. Снег хрустел под ботинками, а фонари роняли на сугробы длинные желтые тени.

— Как таблетка? — спросила она наконец, искоса поглядывая на меня. — Действует?

— Вроде да. Голова почти не гудит. Просто... устала. Очень.

— Это отходняк, Лерок. Нормальная реакция организма. Ты сегодня выдала концерт высшей пробы: сначала организм пытался тебя убить изнутри мигренью, а потом ты заставила его прыгать и петь два часа. Он сейчас в шоке.

Я невольно хмыкнула. Описано было точно.

— Бабушка, зачем ты вообще приехала? Могла бы просто позвонить... Она остановилась, взяла меня за подбородок двумя пальцами и повернула мое лицо к свету фонаря, внимательно всматриваясь в глаза.

— Затем, что твоя мама умеет паниковать так громко, что заглушает суть проблемы. А проблема в том, что тебе нельзя так загоняться.

Она опустила руку, и мы двинулись дальше.

— И еще затем, чтобы увидеть твоих ребят.

— Увидела? — я пнула попавшийся под ноги ледяной комок.

— Еще как, — фыркнула бабушка. — Особенно этого твоего... Семена. Наглая морда, но энергетика мощная. Сразу видно — лидер. Вы с ним похожи.

Тут я напряглась. Шаг стал чуть быстрее.

— Чем это мы похожи? Тем, что оба дышать умеем?

— Юмор ваш этот дурацкий, когда все горит, — спокойно ответила она. — И умение взять зал за горло одной фразой. Он шутит — все смеются, ты командуешь — все бегут. Два сапога пара.

Мы свернули в наш двор.

— Бабушка, давай без этого, пожалуйста. Мне просто нужно было, чтобы кто-то пел вторым голосом. Он единственный, кто знает ноты.

— Ну конечно, — протянула она с сарказмом. — Именно поэтому вы там устроили рестлинг за старую шляпу. Высокие академические цели.

— Это была моя шляпа! — возмутилась я, радуясь смене темы. — Он ее первый со шкафа стащил!

— Девочка моя, — она мягко подтолкнула меня локтем в бок. — Я прожила много лет. Когда видишь двух таких ярких людей на одной сцене, всегда кажется, что между ними должна быть какая-то химия. Но запомни: *не стоит опираться на того, кто может уйти первым, ладно?*

...

Мы подошли к нашему подъезду. Я достала ключи.

— Поднимешься? Чай допьем, тот, сладкий.

— Нет, спасибо.

— Ну ладно, беги тогда.

— Таблетки пей строго по часам, поняла? Не геройствуй.

— Поняла.

Я поднялась на свой этаж. Ключ повернулся в замке слишком громко в тишине квартиры. Дома пахло жареной картошкой. Мама молча сидела на кухне перед чашкой остывшего чая. Увидев меня в коридоре, она просила:

— Ну, как самочувствие?

— Хорошо.

Она отвернулась от меня. Продолжение диалога не последовало.

Зайдя в комнату, я услышала тихий звук уведомления. Телефон лежал на заправленной кровати. Я включила экран, и, увидев имя отправителя, замерла, боясь спугнуть момент. Мне написал Семен:

— *Лера, не дай бог бабушку не позовешь в понедельник.*

Мои губы сами собой расплзлись в широкой улыбке, а где-то глубоко в груди разлилось необъяснимое, щекочущее тепло. Он написал мне. Сам. После всего этого вечера он всё ещё думал о нас.

Я открыла наш чат и незамедлительно напечатала:

— *А чего так?*

Ответ пришел достаточно быстро:

— *Она сказала и доказала, что классно танцует, а главное — любит это делать.*

Я засмеялась в голос, но в меру, конечно. Смех словно выбил последний застрявший осколок льда из моего тела. Мне стало настолько хорошо, что головная боль испарилась окончательно, будто ее и не было. Осталась только приятная легкость и этот дурацкий диалог.

В ответ я написала ему три смеющихся смайлика. Он не унимался, сообщения посыпались одно за другим:

— *Вот.*

— *Поэтому не разбивай мне сердце.*

— *Пригласи бабулю.*

Я перечитывала эти короткие фразы, чувствуя, как глупая улыбка снова прилипает к лицу. Сердце забилося чуть быстрее. «Не разбивай мне сердце» — звучит слишком серьезно для шутки про танцы, или я просто выдаю желаемое за действительное?

Я немного подумала, и пальцы сами набрали текст:

— *Обязательно!*

— *Нам можно и не выступать в принципе, ей сольный концерт устроить и все.*

Отправила. Ответа от Семена не последовало, но я даже не обратила на это внимания. Экран телефона погас, оставив меня в полумраке комнаты, которая теперь казалась уютной, а не пустой.

Мне было достаточно того, что он сам, первый, написал мне сегодня. А если написал, значит вспомнил. Значит, там, под светом софитов, пока я объявляла номера, его взгляд хотя бы пару раз задерживался на мне. От одного этого осознания внутри растекалось густое, сладкое счастье. С ним сегодняшний день точно был прожит не зря.

Я прошмыгнула в ванную, приняла душ и переоделась в пижаму. Забравшись под одеяло, я положила телефон на грудь экраном вниз. Сегодня я победила. Я вытащила концерт, обманула всех своей бодростью и даже повеселилась, немного пообщалась с Семеном.

Но лежа в темноте, я понимала слова бабушки. Моя тяга к Семену пугала меня саму тем, насколько сильной она была.

Это было похоже на зависимость: мне физически нужен был его взгляд на сцене, из-за кулис или во время репетиции. Когда он улыбался со сцены — мир становился цветным. Если бы он сегодня прошел мимо или ответил холодно, концерт превратился бы в пытку, а таблетки не сработали бы вовсе. Эта мысль о том, что мое самочувствие теперь зависит от настроения другого человека, была последней яркой вспышкой перед тем, как батарейка окончательно села.

Тепло в груди схлопнулось так же быстро, как и появилось. На смену пришла свинцовая тяжесть. Веки стали неподъемными, словно кто-то насыпал в них песка. Я перевернулась на бок, подтянув колени к животу.

«Какая же ты лицемерка», — пронеслось в голове за секунду до того, как сознание отключилось. Там, под светом софитов, пока Миша читал рэп, а зал смеялся над шутками Семена, я чувствовала себя живой. Почти счастливой. Я объявляла номера звонким голосом, махала руками, заставляя детей танцевать, и никто — абсолютно никто — не заметил, что внутри меня все еще сидит тот ледяной осколок с утра.

Я обманула их всех. Обманула Киру своим "все нормально". Обманула бабушку своей бодростью. И даже Семена... Ему ведь понравилась бабушка, ему весело, он пишет сообщения. А то, что у ведущей концерта глаза были стеклянными всего час назад, его не касается. Да и зачем ему это знать? У него свои проблемы, свой одиннадцатый класс, своя жизнь.

Свет софитов погас. Музыка стихла. Иллюзия спасения рассеялась вместе с темнотой зрительного зала. Здесь, в моей комнате, правила были другими. Здесь боль никуда не исчезла, она просто затаилась, свернувшись клубком где-то под ребрами, ожидая момента, когда действие таблеток закончится, чтобы вернуться с удвоенной силой.

Я провалилась в сон мгновенно, даже не успев дотянуться рукой до выключателя настольной лампы. Комната с плакатами любимого сериала поплыла и растворилась в вязкой, тяжелой темноте.

...Звук уведомления разрезал тишину — резкий, но почему-то приятный. Мне было тепло под тяжелым ватным одеялом. Не открывая глаз, я пошарила рукой по тумбочке и схватила телефон. Экран ослепил в темноте, но имя отправителя заставило светиться меня ярче экрана телефона. Семен.

Я открыла чат, чувствуя странную, звенящую легкость.

— *Спишь?*

Мои губы сами собой растянулись в улыбку. Он всё ещё там. Зацепился за наш диалог, не дал ему умереть. Я напечатала ответ, стараясь попадать по буквам сонными пальцами:

— *Теперь нет.*

— *Сон, видимо, был не глубокий.*

Ответ пришел через секунду:

— *У всех после выступлений отходняк жесткий.*

— *Я тоже валяюсь долго.*

— Спи давай, семиклассница. Завтра... ну уже сегодня, выходной, отдохнешь нормально.

От слова «выходной» внутри снова разлилось тепло. Не нужно вставать в семь утра. Не нужно идти в школу с ватной головой. Эта мысль успокаивала лучше любого снотворного.

Глаза снова начали слипаться, и я написала короткий ответ. Широкая улыбка все еще была на моем лице:

— Сплю.

Ответа не последовало, но я знала — он просто улыбается там, по ту сторону экрана, так же, как я сейчас. Счастье было таким густым и осязаемым, что казалось: стоит только протянуть руку сквозь темноту комнаты, и я коснусь его...

— Спи, — прошептала я сама себе, кладя телефон обратно экраном вниз.

Резкий сквозняк обжег обнаженную кожу шеи. Холод стал невыносимым. Я попыталась натянуть одеяло выше, но пальцы схватили пустоту. Одеяла не было.

Я резко распахнула глаза.

Темнота. Тишина. Часы на столе показывали 03:41.

Рука, которой я во сне тянулась к телефону, сжимала ледяную простыню. Меня колотило от холода — батарея под окном почти не грела, а форточка была приоткрыта. Само одеяло валялось на полу, куда я скинула его во сне.

Телефон лежал рядом на тумбочке, экран был абсолютно черным. Ни вибрации, ни подсветки. Мой палец машинально нажал кнопку блокировки. Пустой черный прямоуголь-

ник отразил мое бледное лицо в полумраке.

Это был всего лишь сон. Мозг, отравленный гормонами счастья после концерта, просто сгенерировал то, чего хотелось больше всего на свете.

Вчерашний вечер казался теперь кадрами из чужого кино. Там, на сцене, я была нужна. Здесь, в четырех стенах, правила были другими. Радость испарилась, оставив после себя лишь пустоту где-то под ребрами и физическую разбитость.

Сон был по-настоящему наполнен теплотой. Тем, чего мне не хватало. Я еще раз проверила телефон на наличие каких-либо сообщений. Напрасно, ничего не было. Только уведомление о доступном обновлении телефона, которое я не собиралась устанавливать.

Выходные обещали два дня тишины. Но для меня они означали два дня наедине с этой оглушающей пустотой. Я плотнее закуталась в тонкое одеяло, которое успела стянуть с пола. Легла, прижав колени к груди, и провалилась в сон.